

неправильные глаголы

Два «неправильных глагола» (см. журналы БФ-19 и БК-1) — Александр Попов и Юрий Шевелев нашли себе нового собеседника — Геннадия Бурбулиса. Да-да, того самого, чье имя навеки вошло в учебники по истории России. А «соображали на троих» прямо в кабинете директора 31-го лицея. Кстати, все было вполне целомудренно — чаек, карамельки, правда, по ходу у столичного гостя прорезался аппетит...

Александр Попов: Садитесь, чаю попьем...

Юрий Шевелев: У меня есть тема. Намедни прочитал в «Снобе» объяснения Дмитрия Быкова по поводу одной из своих ипостасей — почему он ходит в школу. Никто ж этого не понимает — он ведь человек-оркестр и все такое... И Быков признается как на духу: некуда деваться, 45 лет, надо рано вставать, буду залеживаться — капец. А школа — единственная аудитория, где мне искренне рады. Я туда захожу больной — выхожу здоровый. Захожу грустный — выхожу веселый!.. И дальше Быков предлагает пригребать ближе к молодым, у них интересы симпатичнее: любовь, смысл жизни, будущее. А что у взрослых? Бабки, здоровье, понты...

А.П.: Вишь какой хитрый — даже это знает!

Ю.Ш.: И вот я себе думаю: мол, чего я-то тушуюсь? У меня есть подходящая книжка «Свободные диалоги». Пойду к Попову с поклоном — разреши мне прочитать детям свой курс про актуальные проблемы современности. Причем я согласен бесплатно! Тут у нас гостили золотые перья России: Захар Прилепин, Андрей Архангельский, Марина Степнова, Олег Кашин. Они выступали перед университетской аудиторией и в 31-м лицее. Я потом их пытал, где круче, от кого больше кайфа? Марина призналась: «Школьники лучше...»

А.П.: Юрий Петрович, вы сказали, что готовы бесплатно в школе читать. Но ведь сообразили, что Быков в школу ходит, чтобы набраться здоровья. Вот вы, к примеру, идете в хорошую клинику и за оказанные услуги деньги платите. И так же в школе: хочешь выступать — плати деньги!

Ю.Ш.: Я заплачу!

А.П.: Просто так у меня ходить тут нечего! Желающих-то много...

Геннадий Бурбулис: А почему бытует такой социально-травмирующий парадокс, когда нормальные люди, творческие, самодостаточные, приходят в школу — и те же самые ребята, которых час назад усталый, раздраженный учитель обзывал, проклинал и всячески увещевал, — они вдруг становятся участниками пристрастного занятия, заинтересованного диалога с незаурядной личностью. И в них сразу просыпается любознательность, достоинство и какая-то естественная для юности мечтательность. Почему такая разница? Один и тот же подросток — но если взрослые перед ним разные, то в нем одно начинает просыпаться, а другое дремлет.

А.П.: Менделеев как-то хорошо на это ответил. Он с краснодеревщиком любил подолгу общаться, что всех удивляло: ученый человек, а с рабочим беседует часами. И он отвечал: «Поймите, мне нравятся мастера своего дела, фанаты. Ты — никто еще, а он — краснодеревщик! Мне с ним интересно». И дети любят не какие-то громкие имена, звания или чины — они любят фанатов. Дети будут слушать нумизмата, открыв рты, — если он настоящий нумизмат. Или крутого дворника.

Александр Попов и Юрий Шевелев

Г.Б.: То есть они реагируют на страсть — на живую человеческую душу.

А.П.: Макаренко учил: обучение начинается со страсти. А потом уже принуждение.

Г.Б.: Вот маленький пример. Я был в Екатеринбурге в 171-й школе — обычная такая, почти окраинная школа. Там работает Ольга Викторовна, выпускница философского факультета Уральского госуниверситета, мать двоих детей. Она меня попросила, чтобы я поговорил с детьми о Конституции России. Собралось фактически два класса — 11-й и 7-й. Урок длится 40 минут. Для меня испытание. Чтобы мне «состояться», пришлось прочитать стихотворение, которое я сочинил в 4-м классе, — про «Уральский край, родимый мой, красивый и суровый, что своей пышной пеленой покрыл леса и горы». Я им рассказал про встречу в Токийском университете в 1994 году, где чопорный проректор представил меня аудитории как «историческую личность», поскольку мы с Ельциным подписали «Беловежское соглашение», изменившее лицо мировой истории. Мне надо было как-то реагировать: либо задрать голову, выпятить живот и залюбоваться собой, либо адекватно парировать. Я поблагодарил и согласился, что действительно являюсь исторической личностью, но не потому, что участвовал в выработке радикальных государственных решений, а потому, что здесь и сейчас каждый из нас, семиклассники и выпускники, Ольга Викторовна и я, — мы все творим историю собственной жизни и потому уже являемся «историческими личностями». Каждый творит «историю себя», из чего складывается история семьи, школы, города, страны...

А.П.: Кстати, наш Аркаим открыли не академики-археологи, а два семиклассника...

Г.Б.: И я объясняю школьникам, что на том историческом переломе разные люди объединились и создали новую Конституцию, и сегодня она является фундаментом нового Российского государства. И я, человек нерелигиозный, но верующий, называю нашу Конституцию «Гражданской Библией». Ну и начинаю про Конституцию песни петь.

Ю.Ш.: Как фанат...

А.П.: Да, здесь у вас страсти много было. Я — семиклассник. Я — историческая личность. Это все нанизывается — и вы как рассказчик становитесь интересны детям.

Г.Б.: А перед встречей я их расспрашивал: кто вы, откуда? Один ученик — Руслан — оказался из Азербайджана, и он спросил о событиях в Ливии. Я искренне признался, что испытываю тяжелое чувство, ведь я встречался с Муаммаром Каддафи в Триполи. У меня к нему субъективное отношение, отсюда очень сложные переживания, а не просто профессиональная оценка.

А.П.: Тем более что он был личностью...

Ю.Ш.: Фанатиком...

Г.Б.: Дети начали у меня просить автографы. Я передал школе 60 комплектов Конституции РФ и подписал: «Быть Новой России. Геннадий Бурбулис. 12 декабря». И у меня родился план, можно сказать, мечта. Я хочу, чтобы в год 20-летия Конституции во всех школах — скажем, начиная с седьмого класса — были включены в учебные или внеучебные планы беседы о Конституции, о наших правах и обязанностях...

А.П.: Геннадий Эдуардович, а кто беседовать-то будет? Вы же везде не сможете беседовать, а из обычных учителей Конституцию никто читать не захочет.

Г.Б.: Конечно, тут необходимо не только знание предмета, но и энтузиазм, творческий подход. Я ведь объяснял детям, что в Конституции есть тексты, подобные молитве и по форме, и по содержанию. В ней есть нормы, которые можно воспринимать как заповеди... Это нормальная духовная, нравственная основа человеческого бытия.

А.П.: А до вас кто-то сравнивал Конституцию с Библией?

Г.Б.: Нет, это мое! Наша Конституция — «Гражданская Библия» современной России, а «Всеобщая декларация прав человека 1948 года» — «Гражданская Библия человечества». Здесь очевидная для меня связь, поскольку базовые ценности, накопленные за всю историю человечества, сформулированы в нормах статей... Например, первая фраза преамбулы «Всеобщей декларации»: «... достоинство всех членов человеческой семьи, их равные и неотъемлемые права являются основой свободы, справедливости и всеобщего мира...»

А.П.: Так, а можете ли вы за этот год сделать семинары в Москве, пусть туда учителя приезжают, получают от вас сертификат, что вы зарядили их своей страстью насчет Конституции. И тогда эти учителя получат право прочитать детям курс...

Г.Б.: Я готов делать такой практикум на базе вашего лица.

А.П.: Ну так давайте.

Г.Б.: Вы мне сказали на пороге, что число — это музыкальная нота, а ваша любимая математика — симфония, и я продолжу метафору, что нравственно-правовая субстанция жизни — это божественная симфония...

А.П.: У нас, математиков, тоже есть своя Библия — это «Начало» Эвклида...

Г.Б.: Чудесно.

А.П.: А что, действительно мы можем сделать постоянный семинар — и кто вас прослушает, получит право читать детям Конституцию? Ведь рядовой учитель испортит все.

Г.Б.: Я понимаю, для вас существует вопрос, что массовый учитель сегодня что-то вроде социального хосписа, что учителя — люди травмированные, изуродованные и нуждающиеся в постоянной терапии. При том что у них есть функция властвовать, управлять... Это правда?

А.П.: Так оно и есть. А униженные люди больше всего унижают других. Учителя — униженные люди, и они в свою очередь унижают детей.

Г.Б.: Значит, имея в генезисе тоталитарную, имперскую социальную систему, где свобода личности была под запретом, а рабство в той или иной форме было

нормой, мы и сегодня имеем такую печальную тенденцию: раб мечтает не о том, чтоб стать свободной личностью, а о том, чтобы у него самого был раб. К сожалению, правы постмодернисты, в том числе Фуко, которые сравнивают институты школы, армии и тюрьмы как близкие по системе жизнеобеспечения, где подчинение и властвование присутствуют в доминирующем объеме.

А.П.: Учителя проходят естественный отбор — я в педагогике 40 лет и наблюдаю, что в пединституты идут самые отстающие выпускники школ. И из этих отсталых пединститут со временем отбирает себе лучших в преподаватели, средний состав идет в бизнес, а худшие из худших приходят в школу. Вот кто такой учитель...

Г.Б.: Наша страна переполнена опасной болезнью отсутствия устойчивых жизненных ценностей. Налицо раскол между социальными группами, между поколениями, между профессиональными сообществами. По сути, мы осязаем тенденцию методичной, может быть, из чьих-то рук целенаправленной деградации... Вопрос: по отношению к чему? Если по отношению к советскому прошлому — то тут надо разбираться: что утрачено, а что приобретено. А ведь важно все — и личное совершенствование, и гражданские инициативы, включая ответственность человека перед избирательной урной. Все важно! Но основным институтом, который по определению может заложить основы будущего, сегодня является система высшего образования, университет.

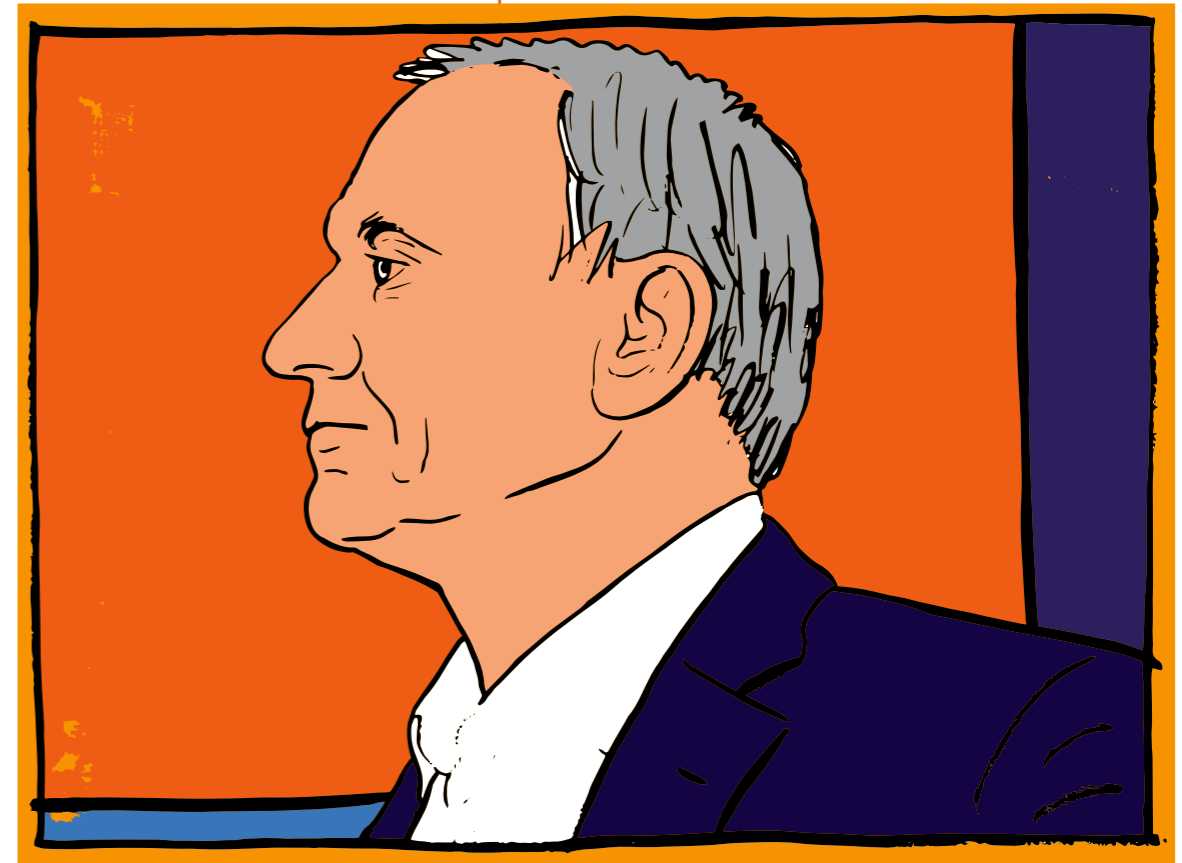
А.П.: Конечно.

Г.Б.: Мы получаем из школы, из семьи и из юношеской субкультуры абитуриентов в вузы и вступаем с ними в диалог. Эту корпорацию университетского сообщества я представляю как социокультурный, нравственно-духовный, научно-профессиональный и гражданско-социальный «реактор». В нем переплавляется энергетика социума в виде студентов, ученых-интеллектуалов, профессионалов творческого труда — и от «переплавки» зависит, что и кто через пять-шесть лет выходит в свободное социальное пространство. Реактор, реактор! Хороший образ?

А.П.: Ага, но вопрос стоит прежде о гуманитарном образовании. Физматобразование у нас более-менее нормальное, а гуманитарное просто лежит.

Г.Б.: Я бы воздержался от столь жесткого представления. Ведь физика и математика, прежде всего, люди. Они открывали свои законы в определенной исторической ситуации. Это все равно «продукт творчества»! И здесь трудно развести на «холодное» естественнонаучное и «теплое», возбуждающее, гуманитарное знание.

А.П.: Я имею в виду низкий средний уровень. Люди, преподающие историю в школе и вузе, просто исторически неграмотные. И это беда. Я даже не говорю о литературе — с ней мы справимся. Но историческое образование! Россия — это история, а в школах

Геннадий Бурбулис

и вузах нет истории. Поэтому в университетах нужно в первую голову создавать грамотных историков, способных представить прошлое России, ее настоящее, на базе чего можно будет проектировать будущее.

Ю.Ш.: Мне сейчас крепко помогает сын. Практически он входит во все ипостаси редакционно-издательской деятельности, вся моя переписка, «терки-стрелки» у него на глазах. И порой у меня возникает ощущение, что он должен знать все то, что я знаю. Но ведь между нами поколенческая разница, и нередко случается, что какие-то персоны или события из недалекого прошлого, которые для меня очень важны, сыну ничего не говорят. Я ему должен объяснить, например, кто такой Александр Михайлович или Виталий Павлович, или кто и как приватизировал металлургическое или, скажем, хлебопекарное производство. А общая проблема заключается в том, что около века назад у нас обрубали наши корни, историческое знание. В значительной массе люди рассуждают в узких рамках собственной жизни. Ведь при советской власти было нормой, когда отец говорил сыну: мол, я с нуля начинал, и ты, сукин сын, давай с нуля. Нынешнее поколение россиян не держит в сознании весь гигантский исторический пласт истории отечества. А раз мы его не знаем, то и сопоставлять с новейшей историей нам нечего. Не за что нам зацепиться, оттолкнуться, проанализировать, связать, понять, кто мы есть и куда катимся. Я слышал, как сегодня на симпозиуме в университете, посвященном посланию президента РФ, Геннадий Эдуардович позволил себе некие вольности — назвал нынешний

режим авторитарным. Не знаю, каково было ректору, сидя в президиуме, слышать недозволенные речи...

А.П.: Ректор — «единооросс»!

Ю.Ш.: Да, рядом с ним сидел еще один «единооросс» — Вадим Воробей, выступивший в прениях в защиту сложившейся у нас выборной системы.

А.П.: Он — ортодоксальный «единооросс»!

Ю.Ш.: А меня, неграмотного, волнует, что у нас всегда доминирует авторитарная парадигма. Или все же таки было в далеком прошлом какое-то «новгородское вече» или еще что-то подобное? Я сие знаю понаслышке, в моем личном «фундаменте» нет исторического опыта России. И моей оставшейся жизни, очевидно, не хватит, чтобы как-то заполнить эти каверны. Поэтому могу оперировать только несколькими десятилетиями собственной жизни, ну и что-то успеть записать и передать сыну. У подавляющего большинства современников отечественный контекст вмещается только «в рамки своей жизни».

А.П.: Очень узкие...

Г.Б.: Коллеги, нас троих объединяет поколенческая близость и профессиональная общность — мы работаем с социумом и в особом творческом пространстве, в котором ценности и смыслы репродуцируются и культивируются. Мы стараемся это делать вдумчиво, последовательно и... страстно, с максимальной самоотдачей, сознавая собственный выбор, призвание и предназначение. Да, мы справедливо признаем, что наше историческое, гуманитарное, социокультурное образование обнулено, и это состояние надо исправлять...

А что дальше? Может быть, устроим поход на Минобр с требованием изменения концепции преподавания в школе и вузе? Но что нам даст эта безнадежная борьба с чиновниками от образования в обозримое время? А вот эта важнейшая трансляция жизненного опыта незаурядных личностей через диалог со школьниками, студентами не может и не должна ждать каких-то принципиальных государственных инноваций. Сегодня вузовские преподаватели зачастую вынуждены на первом курсе полгода воспроизводить программу средней школы, знания которой у ребят отсутствуют. Дальше мы думаем, как совместить профессиональные дисциплины и образовательные стандарты, чтобы умело, тонко, но надежно укрепить межпредметные связи. Мы стремимся дать ребятам некоторую сумму важной информации и в то же время научить их размышлять, методологически вбирать в себя бурный поток человеческой культуры и истории. И где заканчивается наше справедливое огорчение по поводу сегодняшнего положения дел и, я бы даже сказал, «пристрастное обвинение» акторов современного образования с тем, что мы сами обязаны возложить на себя ответственность за сегодняшнюю реальность? Нам с вами самим каждый день нужно что-то творить!

А.П.: У Бориса Васильева в романе «В списках не значился» говорится о последнем защитнике Брестской крепости. И я часто ставлю на его место учителя, который должен чувствовать себя последним защитником крепости. Ни на кого не надеяться, вести детей туда, куда сам считает нужным... И вот моя последняя мысль (я ее никому еще не рассказывал). Если бы я был учителем истории, то обратился бы к детям так: «Дети, сейчас настало время, что нужен хирург нашему российскому гербу, нашему орлу двухглавому. И вот я, как историк-хирург, на ваших глазах отрезаю орлу одну голову. И мы ее хороним. И я отдаю ему свое сердце — и мы вшиваем в герб орлу второе сердце. И у нас получается не двухглавый орел — а орел с двумя сердцами. Вот что нужно России. И вы потом своим детям расскажете и всем-всем, что у нас «одна голова — она наша». Моя. Каждого гражданина. А сердец у нас должно быть два. И вот национальная идея государства — Орел с Двумя Сердцами!»

Ю.Ш.: Ну, это уже патология...

А.П.: Это поэзия! Деревня ты такая!

Г.Б.: А мне нравится... Символизм не только языка, но и культуры — это неотъемлемая форма бытия человека и социума. И если символы обездушены, за ними нет смысла, нет даже попытки в этот смысл проникнуть, символы остаются побрякушками. И они не осваиваются ни родителями, ни детьми, ни учителями и профессорами. Тогда эта страна больна синдромом беспомощности. Она лишена главных основ жизнедеятельности. У нее нет ощущения сопереживания и понимания своих

истоков. У нее нет «культуры памяти», а значит, нет будущего.

А.П.: И вот уже наш Путин выступает перед журналистами и говорит: «Вы можете не верить, но в таком-то институте было оживлено сердце — и его вставили в меня. Вы можете не верить, но я сейчас человек с двумя сердцами». Тут же на мониторе показывают всем рентгеновские снимки — и все видят: да, это так! И теперь Путину нужно научиться жить с двумя сердцами. И народ, даже самый заскорузлый, поймет это и по-другому отнесется к нему. «Вот у меня отныне одна голова, но два сердца. Одно — мое, а другое — академика Лихачева». А ты, Юрий Петрович, говоришь: «Патология...»

Ю.Ш.: Ну, как образ — это нормально.

Г.Б.: Коллеги, времени у нас еще достаточно, у меня такой вопрос — есть ли в столовой бутерброды? Можно ли их закупить?

А.П.: (секретарю Антонине Ивановне) Сделайте, пожалуйста, бутерброды! На троих!

Г.Б.: А вот эту метафору с двумя сердцами — если ее взять в качестве вдохновляющей, творчески заражающей идеи, да и реализовать ее в таком жизненно-реальном виде!.. Мы ведь о чем говорим? О том, что мировоззрение школьника и студента, учителя и преподавателя есть процесс постоянной внутренней работы. Вот нам и надо переплавить в себе эту метафору.

А.П.: Каждый преподаватель учит тому, что сердце не отдыхает никогда.

Г.Б.: Да-да! Но не нужно специальные уроки проводить... Можно все образно вплести в практикум «Конституция РФ — наша Гражданская Библия»! Я очень заинтересован. Моя сверхзадача заключается в том, чтобы, к примеру, в Челябинске и Екатеринбурге сделать такие пилотные проекты в школах для старшеклассников и в вузах для всех специальностей: «Конституция. Мои права и обязанности. Моя ответственность».

А.П.: Я, как учитель, чувствую — лучше звучит: «Моя Конституция — моя Библия». Это будет близко сердцу и школьника, и студента.

Г.Б.: Хорошо!

Ю.Ш.: Попы не поймут!

А.П.: Ну, умных попов мало... А глупые, да... Ну и Бог с ними...

Г.Б.: У нас сегодня вот что хорошо — есть ощущение некоего предела.

Ю.Ш.: Да уж!

Г.Б.: Всегда хорошо, ведь предел есть некая определенность. Это почти принудительная задача выбора. И если она правильно диагностирована, если есть комплексно-системно-объективная оценка причин социального заболевания, то социум способен к самозащите. Потому как нет таких великих лекарей,

которые сами придут и нас избавят от тяжелого недуга. Правда, на самом деле рецепт излечения не совсем понятен и неизвестно, где взять лекарства? Нам иногда говорят: «В-о-о-т, либеральная демократия, западные институты управления... Давайте у них учиться, давайте их осваивать, на них равняться...» Разумеется, на передовые, прогрессивные формы стоит равняться, но мы находимся в реальном социуме, в состоянии постсоветской, постимперской трансформации, именуемой «Новая Россия». В августе 1991 года случился «политический Чернобыль» прежней системы. Путчисты были убежденными носителями своей веры, они искренне считали, что по-другому ни жить, ни управлять нельзя. Кто-то говорит: «Они держались за власть», а я думаю, их объединяло фундаментальное религиозное представление о вечности и могуществе коммунистической квазирелигии.

Ю.Ш.: Самые жестокие конфликты как раз клерикальные.

А.П.: Геннадий Эдуардович, то, что сейчас делается в стране, Уралу не свойственно. Мои предки здесь живут 400 лет, это наша Родина...

Г.Б.: О, бутерброды, спасибо! А это из личных запасов?

А.П.: И почему мы столько лет живем вместе? Потому что не разделялись по религиям! Мы вообще об этом не знали, не думали. А сейчас начали нас путать, делить: русские, татары, башкиры... У славян Библия, у татар Коран... Ну и что! У нас у всех одна Конституция! Вот Библия! Мысль ваша верна!

Г.Б.: Молодец!

А.П.: И больше никакой вражды нет! Это твоя «домашняя Святая книга», Коран, али Библия, али еще чего... А для всех вместе — Конституция! Иначе не выживем. Я как математик люблю первоосновы. Вот как Библия лежит у вашего изголовья, так и Конституция должна лежать в изголовье у каждого тюремного сидельца, у каждого больного в больнице, в школе, вузе, в любом светском присутствии, включая органы власти... Она может изучаться вдумчиво и продуктивно. Кстати, одна из главных проблем в нынешнем образовании — дети плохо понимают тексты, у них уменьшается объем понимания текста. И мы могли бы сделать методички по русскому языку, отдельные брошюры по синтаксису и орфографии с содержанием Конституции, где были бы пропущены знаки препинания или буквы. И дети уже в начальной школе одновременно учили бы русский язык и Конституцию.

Г.Б.: Да-да, не какая-то там «Маша мыла раму», а...

А.П.: Пусть и Маша будет, ну, может, слегка адаптированной, но с начальной школы на уроках Конституция должна быть везде вкраплена, во все дисциплины. И вообще, необязательно делать специальный «урок Конституции» в 11-м классе. Конституция должна пронизывать весь пласт образования.

Г.Б.: Единственно правильный выход. Главное — не переборщить! Но талантливый педагог, осознающий свою «библейскую роль», будет строить свой урок как «духовную практику», как «молитвенное служение». В известном смысле каждый урок — это ведь проповедь...

Ю.Ш.: Хороша любая проповедь, когда она исповедь.

А.П.: Учителей же научили преподавать Пушкина, а вот Солженицына не научили, они не справляются с ним. И сомневаюсь, что когда-нибудь научатся. Или другого какого автора взять — но Пушкина-то умеют преподавать.

Г.Б.: Ой, с горчицей — очень вкусно!

А.П.: Берите сало! Настоящее!

Ю.Ш.: Из кулинарии «Патриот»?

А.П.: Да нет, наши бабы сами делают...

Г.Б.: А как вы откопали, что ваш род на Урале уже 400 лет?

А.П.: Моему отцу 89 лет. Он пошел на пенсию и занялся нашей родословной. Мы сами — курганские. Отец работал в архивах всех соседних областей и откопал, что Поповы приехали на Урал из Архангельской губернии, а потом здесь перемешивались — и с казахами, с татарами... Но первые наши предки были поморами чистокровными, а потом стали «уральской национальности»...

Ю.Ш.: Господа, можно я в связи с салом сделаю краткий исторический экскурс? Осенью 1991-го я оставил ракетную технику и вернулся из Днепра в Челябинск. Почувствовал, что «оборонка» валится, Украина обособляется, в общем, пора домой. Я как бы «опустился с небес на землю» — из крупнейшего в мире ракетно-космического концерна пошел в НИИ горных работ. И тут мной овладела романтическая идея — конверсия! Дескать, оборонные технологии и научные разработки — на «гражданку»! Именно 7 декабря 1991-го я вылетел в Москву, в ЦНИИМАШ, чтобы получить кандидатский диплом. Он ведь оказался одним из последних дипломов ВАК СССР. Ровно тогда наш нынешний сотрапезник Геннадий Эдуардович отправился в Беловежье решать судьбу этого самого СССР. Я же рвался на встречу с ключевыми людьми ЦНИИМАШа в надежде, что ракетчики-прочности возьмутся рассчитывать шахтные конструкции для горняков. И вот мы с директором НИИ Владимиром Галкиным отправились с приемом корифею прочинистов А.В. Кармишину, заместителю директора ЦНИИМАШа, то есть академика В.Ф. Уткина, отца знаменитой «Сатаны». Он, кстати, «эмигрировал» с Украины в Россию в августе 1990 года, оставив пост генерального конструктора КБ «Южное» в Днепропетровске, где я еще оставался на целый год. И вот, господа, «картина маслом» — декабрь 1991-го, холодно, голодно, мы с Галкиным входим в кабинет Кармишина, первые слова приветствия, огромный кабинет,

длинный стол для заседаний и... секретарь вносит бутерброды с салом! Как это было круто! Сало — стратегический продукт! Как и баллистические ракеты дальнего действия с ядерными боеголовками...

А.П.: И я расскажу про бутерброды! Всегда 14 декабря, в «день декабриста», в нашей школьной столовой всем женщинам подаются бутерброды с красной икрой. Бесплатно. В честь жен декабристов. Но чтобы получить бутерброд, надобно поварам сказать что-то про декабристов — или стих прочитать, или фамилию декабриста назвать. Просто так бутерброд не дают! Так что все готовятся к этому дню... А 7-го ноября мы готовим красный революционный картофель. Он варится в свекольном отваре и получается красным.

Г.Б.: Так, может, еще и в мундире?

А.П.: Нет, не в мундире. И подаем на гарнир красный революционный картофель — ведь нельзя забывать прошлое, это наша с вами история. И когда люди спрашивают: мол, почему картофель красный? — повара отвечают: «Сегодня — день 7 ноября, красный день календаря!» Телевидение даже приезжало.

Г.Б.: Очень интересно, а какой он на вкус?

А.П.: Вкус, достойный исторической даты. Как-то телевизионщик вцепился в повара: «Как вы его делаете?» — «Как-как, я его варю ранним утром, когда алые зори полощутся вместе с красными знаменами!»

Г.Б.: Здорово! Вы так образно и метафорически эти ценности и смыслы оживляете или, лучше сказать, «вживляете» в восприятие коллег — немножечко с улыбкой, немножечко назидательно, педагогически — но это все процесс формирования культуры памяти. Это есть созидательная основа настоящего и будущего.

А.П.: Я занимаюсь с второклассниками, спрашиваю: «Вот в Челябинске трехзначные номера на машинах, а в соседнем Казахстане четырехзначные. И такая машина совершила ДТП и скрылась, а у нее две цифры замазаны. Начался опрос свидетелей, и одна говорит: «Ну, номер у нее — Пушкин вылитый!» И я спрашиваю детей: «Какой номер?» Все видели цифры «1» и «7», остальные грязью заляпаны. А свидетельница о Пушкине говорит. И один ребенок вдруг выпалил: «Одна тысяча семьсот девяносто девять!» Ах, какая умничка!

Ю.Ш.: О! А! Я знал, что Пушкин обязательно всплывет!

А.П.: Мальчик единственный знал, когда год рождения Пушкина!

Ю.Ш.: Ай да Пушкин, ай да молодец! Все равно он везде пролезает!

А.П.: Так Россия не может жить без Пушкина.

Г.Б.: Я создал новую (ну, наукой ее не называю) совокупность духовных практик — «политософию». И у меня есть межвузовский студенческий клуб политософский — «Зуб мудрости». По ритуалу всех новых участников заседаний мы принимаем в соучредители

клуба, а в качестве членского билета дарим томик Пушкина. Потому что Пушкин и есть олицетворение той самой политической мудрости. Он был не только гениальным поэтом и голосом Бога общался с людьми, но и глубочайшим мыслителем своего времени, сумевшим и историю, и будущее переплавить самым возвышенным образом. А еще он был сверхъестественным мужчиной, бесконечно влюблявшимся...

Ю.Ш.: Как наш Александр Евгеньевич...

Г.Б.: ... который страсть свою не мог укротить!

А.П.: Слово основополагающее — страсть!

Г.Б.: Она бурлила в нем до безрассудства! Вспомним знаменитую историю с семьей генерала Воронцова, когда он не мог обуздать свои возвышенные чувства к его жене. И как она была смущена, и Воронцов не понимал, что с Пушкиным делать... Такой клубок страстей! А, кстати, пароль у нас в клубе — строчки из стиха Пушкина графу Горчакову: «Там ум кипит, там в мыслях волен я, там спорит слух — и чувствую живее. И там мы все — прекрасного друзья».

Ю.Ш.: Я чего так радуюсь как ребенок: у меня же тема этого номера бк — «Пушкин»! И я сознательно не сказал вам про это в начале нашего коллоквиума, а Пушкин все равно прорезался!

Г.Б.: ... и когда новый участник клуба получает томик, мы его просим открыть на любой странице и зачитать послание, которое выражается в первом же отрывке стихотворения. И тут случается удивительная «перекличка»: или какие-то актуальные проблемы, или какие-то грустные или веселые люди, или какие-то невыносимо сложные жизненные ситуации — и тут же сам Александр Сергеевич со своей всепроникающей мудростью...

А.П.: Вот мы говорим о Библии — и хочется о Мекке. Когда еще был жив Семен Степанович Гейченко — великий человек, — я много раз возил детей в Пушкиногорье. После чего дети становились другими. Михайловское, Тригорское, Петровское... там живет дух Пушкина, достойным носителем которого был Гейченко. Его уже нет давно, не знаю, что там сохранилось...

Г.Б.: Как всегда — что-то с человеком уходит...

А.П.: Он был необыкновенный...

Ю.Ш.: У вас этот клуб как бы такая системная штука?

Г.Б.: Системная, но не регламентированная жестко.

Ю.Ш.: Но ведь структуризация важна. К примеру, будь ты семи пядей во лбу, а один журнал не сделаешь, если раз в неделю не собираться на редколлегия.

А.П.: А я каждый день свой коллектив вижу — и нормально. Самое лучшее на свете.

Г.Б.: А каково вам с учителями? Какая радость, какие заботы? Вот сейчас по новой установке каждая школа должна набор делать по территориальному принципу. И вас как бы лишают...

А.П.: Ну здесь всегда можно найти противоядие (хотел сматериться, но проще сказал). В лицее учатся с пятого класса, когда не надо делать набор, который указан. У нас есть воскресные школы, где мы детей готовим и отбираем со всего города. Я надеюсь, у нас самые умные дети. Мы и учителей отбираем, они имеют возможность зарабатывать приличные деньги, оказывая дополнительные услуги.

Г.Б.: И родители с удовольствием эти услуги потребляют?

А.П.: Ну, сюда очень трудно попасть, ни по каким звонкам или деньгам я никого не беру. Беру по интеллекту... Поэтому попасть сюда непросто.

Ю.Ш.: Знаменитый тренер по дзюдо Александр Миллер мне рассказывал, как он выбирал Мансура Исаева, ставшего олимпийским чемпионом. Вначале ему наводочку дали на сборах в Подольске, а потом юного атлета протасили через миллион тестов, сделали тотальную диагностику психофизиологического состояния и оценили его уникальные данные.

Г.Б.: И я своим студентам даю возможность оценить себя, для чего рекомендую вести дневник своих бдений, размышлений, потрясений, вдохновений. Кстати, вот образец этого дневника.

А.П.: Спасибо! Можем мы с вашего разрешения его размножить и подарить? И лучше бы с автографом!

Г.Б.: Хорошо, а начинается он с моей лирической максимы, адресованной внучке Софии: «Мудрым быть легко и просто — надо знать один закон...»

А.П.: Я на Новый год подарю его каждому старшекласснику...

Г.Б.: Подписываю: «Самым счастливым лицеистам нашей страны. Быть Новой России. Геннадий Бурбулис».

А.П.: Даете мне слово прочитать в лицее про Конституцию?

Г.Б.: Да, мы договариваемся создать с вами систему какую-то...

А.П.: Система системой, но я, прежде всего, забочусь о себе.

Г.Б.: Система на базе лица!

А.П.: Конечно, для меня лицей всегда на первом месте, остальное потом.

Г.Б.: Юра, я хочу создать ассоциацию новых конституционалистов России — «АнкоР».

А.П.: То есть «еще»?

Г.Б.: Много раз у нас рождались блестящие личности, добросовестные, бесконечно любящие свою несчастную родину, унижающую своих граждан. Мы тут вспомнили декабристов — святые люди! Перед выходом на Сенатскую площадь они написали проект Конституции. У них была своя Библия — они с ней, правда, не очень понимали, что делать. В России случались попытки конституционного преобразования

страны — и всякий раз заканчивались новым обрывом в пропасть, в авторитарность, в смуту, в новые испытания. Ассоциация новых конституционалистов России — «АнкоР» — «еще, еще раз!» В этом франко-английском слове есть еще один смысл — то, что сейчас называется в интернетовской культуре «отсылка к источнику». По большому счету, ассоциация «АнкоР» есть отсылка к нашим глубинным, благородным культурным и историческим корням, которые бы мы хотели...

А.П.: «АнкоР» — такое динамичное слово, не статичное.

Г.Б.: Да-да! Мы проводим второй конкурс: «Борис Ельцин: новая Россия и мир». И в прошлом году в нем старшеклассники тоже участвовали. Тексты студентов, аспирантов, молодых преподавателей по нескольким номинациям. В этом году добавили второе крыло — «Социальные инновации». Здесь все, что связано с любой творческой и социальной деятельностью, например, волонтерской, благотворительной.

А.П.: Мы с удовольствием примем участие.

Г.Б.: Можно и в текстовом виде, и в проектном виде. Большое спасибо тебе, Юра, что привез меня сюда, и обед потрясающий...

А.П.: Ну, это еще не обед!

Ю.Ш.: Обед мы вам устроим в следующий приезд.

А.П.: Я вот что понимаю под «обедом»! Вот, скажем, мы едем к моему другу в Аргаяш, это 22 км от Челябинска. Он содержит своих баранов, коней... Мы заранее заказываем обед — и он делает седло барашка из свежей баранины, или он готовит плов — его жена жила в Узбекистане, это настоящий плов! Вот это — обед! Или украинскую тему возьмем, или белорусскую... Ну, такую длинную и красивую. Если когда-нибудь захотите по-настоящему пообедать, скажите, и мы обратимся к национальной кухне — берем какую-нибудь конкретную тему, типа «драники», или «плов», или «шашлык». А вы водку пьете?

Г.Б.: Иногда да. А вот Юре нельзя.

Ю.Ш.: Почему нельзя?!

А.П.: О! Ну тогда плов сделаем — под водку это будет классно. И на конях покатаемся!

Ю.Ш.: В следующий раз у меня на балконе будем говорить — это недалеко, но я все-таки не понял, когда ваш очередной визит и когда мы услышим лекцию в лицее?

Г.Б.: Не лекцию, а диалог! Встреча-диалог! Какие лекции, о чем он говорит?

А.П.: Ну, он вузовский же...

Ю.Ш.: Да не вузовский я, мне нужно, чтобы все было систематически!

Г.Б.: Юра — технолог! Он мыслитель одной частью полушария, а другой — технолог, ему нужно, чтобы в его корзинке всегда было из чего выбрать...